

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-236-242

«ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ» НИЦШЕ И АНТИЧНОСТЬ*Колесников Илья Дмитриевич**Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского*

В статье осуществляется герменевтика соотношения мысли о Вечном возвращении того же самого с античностью. Проблема этого соотношения не может быть прояснена до тех пор, пока сохраняется уверенность в правомерном понимании того, что такое Вечное возвращение и что такое античность. В наследии Ницше Вечное возвращение имеет два облика — облик мысли об образе жизни и облик космогонического учения. Первостепенным значением обладает первый, так как учение является лишь формой донесения мысли. Предыдущие исследования соотносили эту мысль с античной философской доксографией, результатом чего становились ошибочные выводы, так как заведомо был избран ложный путь (поскольку, согласно Ницше, философия является исключением из античности, а не ее средоточием). Настоящее исследование стремится обнаружить связь этических следствий из мысли о Вечном возвращении с античной культурой в целом и античным пониманием времени в частности. Особое внимание уделяется разграничению того, подлежат ли вечному возвращению мистериальные явления античности или «аполлоническая» жизнь полиса, «Олимп иллюзии». В результате внимательного рассмотрения нельзя не прийти к выводу о том, что вечное возвращение в античности Ницше усматривал в повторении типических явлений (агональность, полис, война). В отношении времени мысль Ницше утверждает не возвращение, а сосредоточение сил на настоящем мгновении. На примере эллинского понимания времени (мифическое возвеличенное прошлое, настоящий момент, будущая слава) прослеживается, что «прошлое» и «будущее» имели в античности решающее значение для настоящего.

Ключевые слова: Вечное возвращение, философия Ницше, античность, античное понимание времени, аретэ.

NIETZSCHE'S «ETERNAL RECURRENCE» AND THE ANTIQUITY*Ilya D. Kolesnikov**Saratov State University*

The subject under research in this paper is relation between Nietzsche's idea of the «Eternal Recurrence of the same» and Ancient Greek culture. «Eternal Recurrence» has two forms in the philosophical heritage of Friedrich Nietzsche: the form of thought about the way of life and the form of a cosmological doctrine like the ancient Greek philosophy of nature. The first form is paramount, because the doctrine is just a form of a thought. Some of the previous researches in this area were focused on the cosmological aspect of Nietzsche's idea. This approach caused misinterpretation. In fact, Ancient Greek philosophical doxography related to the problem of cyclic time and eternal recurrence has no adequate analogy. Nevertheless, it should not become the basis for negation of the relation between «Eternal Recurrence of the same» and the antiquity, because this approach takes Nietzsche's idea and ancient culture separately from each other, as if there is no correlation between them. To avoid this mistake, the author used philosophical hermeneutics as a research method. The main idea of this paper is based on Nietzsche's affirmation of the essential link between «Eternal Recurrence of the same» and the antiquity. According to Nietzsche, philosophy is an exception from antiquity, and not its focus. The purpose of the current research is to discover the connection of ethical consequences from the concept of Eternal Recurrence with ancient culture in general and with the ancient concept of time particularly. The main attention is focused on the separation of the «mysterious phenomena of antiquity» and the «Apollonian» life of the polis, «Olympus of Illusion». Eternal Recurrence implies a return of the political and artistic antiquity, but not Dionysian sides of the Ancient Greek culture. The «Eternal Recurrence» is a repetition of typical phenomena: agonism, polis, war, art. With regard to the ancient concept of the time's nature, Nietzsche's theory stated not return to the same, but the present moment as

the most important. All human forces must be given to the present moment. Through the example of Hellenic understanding of time (mythical «great» past, present moment and glory in the future), it is traced that «the past» and «future» were of decisive significance for the «present» in antiquity.

Keywords: Eternal Recurrence, Nietzsche's philosophy, antiquity, ancient concept of time, *arête*.

Введение

Когда ставится вопрос о том, насколько мысль Ницше о Вечном возвращении того же самого связана с античностью, предполагается, что как мысль, так и то, что такое античность, уже известно, остается лишь провести параллель. Более внимательный подход приводит к некоторым вопросам. Первые сосредоточены на античности: какая древность в рамках эллинизма имеется в виду — век Гомера или доплатоновских философов и софистов, Платон или эллинистические философские школы? Вторая группа вопросов относится к Вечному возвращению: является ли оно «формой метафизики» (М. Хайдеггер), «дразнящим иллюзионном позднего Ницше» (Э. Бертрам), преобразующей и императивной мыслью или чем-либо еще?

Если не задаваться вопросом ни об античности, ни о мысли о Вечном возвращении, их сопоставление останется в стороне от существа дела. Так, в основательном исследовании К. Лёвита «Ницшевская философия вечного возвращения» (1934 г.) продумывается сама мысль, но античность берется как нечто уже известное заранее. Поэтому Лёвит приходит к «выводу» о том, что Ницше мыслит совсем не по-гречески [Лёвит К., 2016, с. 140]. Однако «греческое» видится Лёвиту в идиллических образах наивности и близости к природе (этим образом традиция обязана Шиллеру), что несколько чуждо тому, как видел древних сам Ницше. Или другой примером — книга Ф.Г. Юнгера «Ницше» (1949 г.), в которой автор признает, что учение Ницше родственно античности, под античностью понимается ее «темная сторона» (*die andere Antike*) в лице пифагорейцев, Эмпедокла, Платона, гностиков [Юнгер Ф.Г., 2001, с. 178], что также не соответствует философии Ницше.

Оба примера являются лишь частью общей картины. В вопросе рецепции античности тем или иным мыслителем принята схема, в которой наследие философа привлекается таким образом, словно оно никак с античностью не связано и не сформировано ей хотя бы в той или иной степени; затем привлекается античность в рамках исторической науки XIX в. так, словно она не осмыслилась философами; после чего делаются соответствующие выводы. Когда дело касалось Ницше и античности, то образ древности (*Antikesbild*), ко-

торый Ницше пытался прояснить, отклонялся как субъективный. За основу был взят, как сказано выше, усредненный образ, сформированный исторической наукой о древности. Придерживаясь герменевтической строгости, такое произвольное схватывание образа античности недопустимо.

Данная статья не претендует на окончательное решение вопроса о связи Вечного возвращения с античностью. Цель заключается лишь в том, чтобы прояснить, в каком *смысле* можно говорить об этой связи — и, соответственно, о каком Вечном возвращении и о какой античности в рамках *этой* темы может идти речь.

Вечное возвращение того же самого: мысль и учение

Мысль о Вечном возвращении того же самого в силу разных причин понималась и продолжает пониматься превратно. Исследователи, знакомые как с местами из опубликованных произведений, так и с фрагментами из посмертного наследия, до сих пор редко различают то, как Ницше *понимал* эту мысль (по крайней мере, как он формулировал ее для себя), и то, как он намеревался ее *преподнести*. Отсутствие этого различия является одной из главных причин удивительных версий прочтения Ницше.

Мысль о Вечном возвращении пришла Ницше в августе 1881 г. Ее основной вопрос заключался в том, сможет ли человек вынести данное мгновение, если оно будет повторяться вновь и вновь бесчисленное число раз? И сможет ли он тогда вынести свою жизнь, если она будет находиться под таким же судом вечного повторения, возвращения? В первом сочинении, где эта мысль была впервые («Веселая наука»), она названа «величайшей тяжестью» [Ницше Ф., 2014, с. 523–524]. Тот, перед кем она станет, встретит опыт предельной ответственности за каждый миг своего существования. Не вся жизнь состоит из высших мгновений: одни самодостаточны, а другие являются лишь средством к достижению первых. Жизнь может быть устремлена к будущему, но тогда ее настоящее окажется пустым и — в перспективе вечного повторения — невыносимо тяжелым. Чтобы эту тяжесть вынести, необходимо полное преобразование всей жизни; необходимо сосредоточить свои усилия на непосредственно

присутствующем и отказаться от заботы о потустороннем. Настоящее *мгновение* не оправдано будущими целями или прошлыми переживаниями. Если недостойный образ жизни оправдывается тем, что это временная мера, в свете вечного возвращения это не помогает, поскольку и эти «временные» моменты будут повторяться вновь и вновь, образуя вечность. Марк Аврелий оправдывал несовершенство мира тем, что как в комедиях есть «нелепые и грубые стихи», придающие целому произведению привлекательность, так и в мире все «небесполезно в масштабах мироздания». Он добавляет: «Смотри только, не стань такой частью, как дешевый смехотворный стих» [Марк Аврелий Антонин, 1993, с. 34]. Ницше пошел дальше: таких частей в мире и вовсе не должно остаться.

Жизнь надлежит преобразить и сделать *достойной* вечного возвращения:

«Мы хотим снова и снова переживать произведение искусства! Так нужно построить и свою жизнь, чтобы каждая ее часть заставляла нас испытывать то же чувство! Вот главная мысль! Лишь в конце следует преподносить *учение* о повторении всего бывшего, когда уже приживется тенденция *творить* нечто, что в солнечном сиянии этого учения *расцветет* с тысячекратной силой!» [Ницше Ф., 2013, с. 468]

На такую жизнь ляжет «отпечаток вечности» [Ницше Ф., 2013, с. 466]; человеком будет руководить «стремление придать бытию эстетический смысл, *приумножить наш вкус к нему*» [Ницше Ф., 2013, с. 467]. В горизонте этой мысли человек, во-первых, примет существующее с эстетическим отношением, а во-вторых, чтобы принять, преобразует себя и мир — сделает его произведением искусства, эстетическим феноменом.

Сказанное до сих пор относилось к *замыслу* Ницше, к тому, как он сам обдумывал эту мысль. Второй стороной является *преподнесение учения* о Вечном возвращении. Ницше осознавал, что если эта мысль подействует, она повлечет за собой фундаментальное преобразование всей культуры. В апреле 1884 г. он пишет Ф. Овербеку:

«Возможно, что именно мне *впервые* пришла мысль, которая расколется историю человечества надвое <...> *Будь она истинной* или, верней, *будь она воспринята как истинная*, все изменится, ничто не останется как было, и *все* прежние ценности обесценятся» [Ницше Ф., 2005, с. 220].

Об истинности мысли говорится условно, и все изменится, если она будет *воспринята* как ис-

тинная. В последующие годы, работая над «Переоценкой ценностей» (итогом чего станет «Воля к власти»), Ницше продумывает, как придать этой мысли правдоподобия: императивный характер скрывается за космологическими и физическими объяснениями.

Сравнительная идеография

В силу того что мысль Ницше не отделяли от преподносимого учения, у последователей возникли затруднения, что было вполне ожидаемым, поскольку Ницше возлагал надежды на то, что воздействие окажет именно учение. Поэтому те философы, которые поддерживают или опровергают учение о Вечном возвращении, уже находятся внутри тактики Ницше. Таким образом, с античным пониманием времени связывалось учение о Вечном возвращении, а не мысль Ницше.

В статье В. Бакусева «“Вечное возвращение” и античность», основательной как по широте подхода, так и по его тщательности, приводится семь фрагментов у античных и раннехристианских авторов, с которыми можно было бы проводить аналогию:

- I. Приписываемый Лину отрывок из поэмы «О природе мира» (фрагмент В2 по Дильсу).
- II. Место из Евдема Родосского (у Симпликия в комментарии к IV, 12 «Физики» Аристотеля).
- III. «Речь против эллинов» Татиана (3, 2).
- IV. «Правдивое слово» Кельса (у Оригена: Против Кельса, 4, 65).
- V. «О началах» Оригена (II 3, 4).
- VI. «Против Кельса» Оригена (IV, 68).
- VII. «О граде божьем» Августина (12, XIII, 2) [Лёвит К., 2016, с. 296–298].

При надлежащем знакомстве с открытием «Вечного возвращения» Фридрихом Ницше аналогии отпадают.

Поскольку мысль является сложной, намного легче было объяснить ее через нечто иное: и первым, что приходит в голову, является общее место о цикличном характере времени в античности. Собственно, само это *locus communis* находится под большим вопросом: присуща ли вообще эллинистическому мышлению уверенность в цикличности? Приведенная доксография относится к поздней античности: даже мифический Лин стал популярной фигурой в эллинистическую эпоху. Это важно в герменевтическом отношении: если речь идет о Ницше и античности, то следует учесть, что ни один из перечисленных источников Ницше не назвал бы античным в собственном смысле. Все

они примыкают к платоновской линии и тем самым к современности (которая, согласно Ницше, начинается с Платона [Ницше Ф., 2012b, с. 40]).

Циклическое понимание времени в классической древности не было всеохватывающим. Намеки и указания на него встречаются в мифе и философии, что еще не свидетельствует о том, что древние мыслили время циклично: философские свидетельства далеко не всегда выражают дух эллинизма, если только последнее не понимается как народ, сплошь состоящий из философов. Доказательство циклического понимания времени со ссылкой на космологию Лина или стоиков можно опровергнуть ссылкой на понимание времени Аристотелем или платониками (что, кстати, справедливо). Но и этого недостаточно: Ницше неоднократно выражал сомнение, не был ли философ исключением из греческого полиса. В таком случае можно расширить поле исследования и посмотреть на понимание времени в источниках самых различных жанров: трагедия, комедия, эпиграммы, лирика, речи *etc.*: в них идея *космологической* цикличности не встречается. О цикличности можно говорить в пределах того или иного *этноса*: крестьяне прослеживали цикличность в природе время посева, сбора урожая и так далее — этому соответствовали празднества и мистерии. Другая цикличность была в полисе: срок замещения должностей. Фукидид предложил определять время событий не по архонству того или иного лица, как это было распространено, а принимая во внимание отсчет времен года [Фукидид, 1993]. Речь могла идти о циклах полиса и природы, но не было представления о том, что все вернется *в точности* так, как было, и будет возвращаться бесчисленное число раз: а ведь именно это содержится в ницшевском *учении* о Вечном возвращении того же самого.

Свидетельства Ницше

В рамках сочинения «Философия будущего» Ницше планировал написать раздел «Греки как знатоки человека» [Ницше Ф., 2010, с. 282–287], который через несколько лет он хотел оформить в качестве самостоятельного труда «Размышления о греках» [Ницше Ф., 2010, с. 402] (при написании этого наброска Ницше активно ссылается на сочинение Леопольда Шмидта «Этика древних греков» [Schmidt L., 1882]). Впоследствии «Философия будущего» стала подзаголовком сочинения «По ту сторону добра и зла», однако раздел о греках там отсутствует (часть записей из набросков все же содержится в разделе «Что благородно»). Подходя к

завершению раздела «Греки как знатоки человека», Ницше пишет: «*Я открыл греческое, они верили в вечное возвращение! Это вера в мистерию!*» [Ницше Ф., 2010, с. 286]. Возникает проблема: параллель между мыслью о Вечном возвращении и античностью проводится не только исследователями, но и самим философом. Более того: Вечное возвращение не просто было у греков; это *само греческое* («*Ich habe das Griechenthum entdeckt*» [Nietzsche Fr., 1988, S. 340]).

Прежде чем более подробно обратиться к этому фрагменту, следует рассмотреть еще два свидетельства о связи Вечного возвращения с античностью:

I. В «Ессе Homo» Ницше говорит, что учению о Вечном возвращении мог учить Гераклит и стоики [Ницше Ф., 2009, с. 235] (под свидетельством стоиков имеется в виду III пункт приведенной В. Бакусевым доксологии: *Stoicorum Veterum Fragmenta*, II, 625 [Фрагменты..., 2002, с. 40]). Эти слова Ницше относятся к преподнесению учения — как ссылка на историческую космологию. Подразумеваемый Ницше фрагмент, хотя и подходит наиболее близко к Вечному возвращению, не сообщает ничего о том, как в соответствии с этим учением переменится жизнь. Поэтому данное свидетельство может быть истолковано только как вспомогательное средство для придания мысли правдоподобия.

II. Второе свидетельство находится в «Сумерках идолов» (1888 г.), а именно в разделе «Чем я обязан древним», где развивается связь Вечного возвращения с *мистериальным* фоном эллинизма. Поскольку оно сходится с «верой в мистирию» из приведенных черновиков, это свидетельство следует рассмотреть более внимательно.

Вечное возвращение: мистериальное и аполлоническое

Мистериальное дионисийское начало у позднего Ницше существенно отличается от дионисийства в «Рождении трагедии»: это уже не созерцание «мрачного первоединого» [Ницше Ф., 2012a, с. 35], но «вечное возвращение жизни», «вечная радость созидания», «глубочайший инстинкт жизни» [Ницше Ф., 2009, с. 103–104]. Ницше, вопреки распространенному заблуждению, не открывал дионисизм древних: к последней трети XIX в. для классических филологов это было общеизвестным обстоятельством. Уже Бахофен в «Материнском праве» писал о том, что, вопреки

новейшим исследованиям, мистерии следует относить не к эллинистической эпохе, а к архаике [Bachofen J.J., 1861, S. XV]. Существование мистериального начала было известным, споры велись о хронологии. Ницше же осмыслил роль дионисийского начала в эллинской культуре. Целая пропасть пролегает между дионисовскими греками и дионисовскими варварами [Ницше Ф., 2012а, с. 29]: вопрос в том, почему греков в отличие от других это мрачное явление заставляло «отводить глаза к светлomu» [Ницше Ф., 2012а, с. 60] и творить произведения искусства высокого стиля, «Олимп иллюзии»:

Дионисовская подпочва мира имеет право проявляться как раз лишь настолько, насколько оно может быть затем преодолено аполлоновской просветляющей силой [Ницше Ф., 2012а, с. 143].

Возвращение Дионисий обеспечивало аполлоническую культуру полиса.

В черновиках к разделу «Греки как знатоки человека» приведенная цитата о мистериальной вере греков находится в самом конце наброска, она подводит итог перечисленным «собственно-эллинским» чертам, в качестве каковых Ницше выделяет: агональность (в состязании способности доводятся до совершенства, ἀρετή), благородство, чувство противоположности варварам, политичность, растворение индивидуума в типе. Далее Ницше пишет:

«Сущностные вещи возвращаются (wiederholen), нет ничего нового, нет никакого развития» — это собственно-эллинское [Nietzsche Fr., 1988, S. 338].

Эллины ценили типическое, повторяющееся, они не интересовались исключениями или анахронизмами (главным ориентиром для Ницше выступал Фукидид, ищущий типическое). Следует обратить на это внимание: все, что Ницше описывает в древних как их основные свойства и как наиболее совершенные качества, как раз не мистериально, а «аполлонично». Таким образом, главным является не цикличность мистерий, а то, что в их ритуальных обрядах повторялось одно и то же, и «просветленную радость» вызывало повторение типического. Время не имеет направления и цели, в нем только повторяется одно и то же. Чтобы вынести мрачный характер мира, это повторяющееся должно было, согласно логике «Рождения трагедии», стать высокой культурой. Жизнь нужно было сделать такой, чтобы ее типические проявления были достойны вечного возвращения. Для понимания Ницше важно увидеть, что сказанное жизни «да» представлено не в об-

разе экзальтированных восхищенных вакхантов, которые радуются миру (так было только у раннего Ницше): жизнь утверждается в искусстве, войне, политике, гимнастических состязаниях, иначе говоря, во всех проявлениях античной культуры. Сначала следует научиться творить нечто, а уже после мысли о Вечном возвращении творение расцветет с тысячекратной силой. Тот, кто усматривает в античности радостное согласие с жизнью только в мистериях, привносит в древнюю эпоху современное мышление в терминах повседневной безрадостной обыденности. Жизнь древних, как показывает Ницше в следующих за «Рождением трагедии» эссе «Греческое государство» и «Гомеровское состязание», была лишена трудов (если говорить о жителях полиса, а не о гесиодовских крестьянах).

Уже было сказано, что вера в цикличное возвращение не питала эллинские умы (речь шла о повторении типического, что не то же самое). Весьма условно в отношении античного понимания времени можно сказать, что взгляд эллина обращен *вспять*, в прошлое. Начало этому положил Гесиод: сменяющие друг друга эпохи становятся хуже [Гесиод, 2001, с. 24–27]. Однако за несколькими исключениями (такими как Феогнид [Эллинские поэты, 1963, с. 301]) это не означало пессимизма или скепсиса; скорее, «совершенное» прошлое выступало ориентиром (а здесь даже Феогнид не является исключением). Агональный инстинкт и честолюбие в качестве образцов выставляли не только современность (Фемистокл и «лавы Мильтиада» [Плутарх, 1990, с. 218]), но и прошлое. Что касается устремленности в будущее, то речь может идти о *доксе*, славе для потомков.

Вечное возвращение учит мышлению в пределах данного мгновения, и введение славы не отменяет сказанного. Простота, с которой в древности расставались с жизнью (например, на войне), обеспечивалась не верой в загробное воздаяние (как у Платона [Платон, 1971, с. 96]), но тем, что в момент гибели на войне человек достигал совершенства (*доблесть* и совершенство сливаются в слове *аретэ*). Во время одной из битв Александра окружили и дело шло к его неминуемой гибели, и, по сообщению Плутарха, Александра страшила не близость смерти, а ее *безвестность* [Плутарх, 1983, с. 439], так как битва происходила в каком-то неизвестном городе. Плутарх говорит, что у соратников Александра постоянно проходило состязание за славу и совершенство, ἄμιλλα περὶ δόξης καὶ ἀρετῆς (342ε). Таким образом, дело не в «жертвовании» настоящим на благо

будущего, а в непосредственном совершенстве, полноте самого настоящего.

В отличие от позднеантичной философской доксографии, именно с такой древностью Ницше связывал учение о Вечном возвращении:

«Предположим, изящные искусства греков погибли бы и мы ограничивались бы суждениями философов: какие ложные выводы! <...> Все эллинское... следует рассматривать глубже. Свидетельствами мало чего достигнешь. Исторические факты, поступки намного важнее, например, для их этики, чем все их слова» [Ницше Ф., 2010, с. 284–285].

Греки обладали той культурой, достижение которой является целью мысли о Вечном возвращении того же самого. Произведения искусств (в первую очередь пластических), военная доблесть (Марафон и Саламин) — все это, согласно Ницше, свидетельствует о том, что для древних жизнь была бы выносимой при мысли о том, что она будет возвращаться в таком виде вновь и вновь. Черты античности, о которой говорит Ницше, описаны в надгробной речи Перикла у Фукидида [Фукидид, 1993, с. 79–84]; эта речь была для Ницше главным выразителем эллинской древности: в позднем предисловии к «Рождению трагедии» («Опыт самокритики») звучит намек на то, что именно эта речь и привела его к греческой проблеме, к вопросу об «эллинской веселости» [Ницше Ф., 2012а, с. 13].

Заключение

Целью данного рассмотрения было прояснение того, в каком смысле правомерно говорить о связи Вечного возвращения с классической древностью. Сравнение учения о Вечном возвращении с античной философской доксографией необоснованно (о чем говорили и другие авторы). На пути герменевтического погружения в проблему, во-первых, было разделено то, как Ницше мыслил Вечное возвращение, и то, как он намеревался донести это учение, обращаясь к космологическим построениям. Так как «Вечное возвращение» является учением об образе жизни, то оно бралось именно в этом смысле (а не в значении философской мифологии). Далее, под античностью Ницше понимал как раз не совокупность философских текстов, с которыми можно было бы нечто сравнивать, а общую культуру (исключением из которой чаще всего, по его мысли, и является философия). Поскольку Ницше сам говорил о связи Вечного возвращения с античностью, т.е. последняя бралась так, как ее понимал философ, а не в образах, следующих из историче-

ской науки. Содержание мысли о Вечном возвращении, заключающееся в доведении жизни до *аретэ*, совершенства («отпечаток вечности»), присуще классической древности, которая жила повторением типического, одного и того же.

Список литературы

- Гесиод*. Полное собрание текстов / пер. с др.-греч. В. Вересаева, О. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
- Лёвит К.* Ницшевская философия вечного возвращения того же / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2016. 336 с.
- Марк Аврелий Антонин*. Размышления / пер. с лат. А.К. Гаврилова. М.: Наука, 1993. 247 с.
- Ницше Ф.* Письма / пер. с нем. И.А. Эбанойдзе. М.: Культурная революция, 2005. 399 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/1 / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. М.: Культурная революция, 2012. 416 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10 / пер. с нем. Ю.И. Архипова. М.: Культурная революция, 2010. 640 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 11 / пер. с нем. В.Д. Седельника. М.: Культурная революция, 2012. 688 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3 / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2014. 640 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6 / пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др. М.: Культурная революция, 2009. 408 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9 / пер. с нем. А.А. Карельского и др. М.: Культурная революция, 2013. 688 с.
- Платон*. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с др.-греч. М.: Мысль, 1971. 687 с.
- Плутарх*. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 1 / пер. с др.-греч. М.: Правда, 1990. 592 с.
- Плутарх*. Сочинения / пер. с др.-греч. М.: Художественная литература, 1983. 703 с.
- Фрагменты ранних стоиков*. Т. 2, ч. 2. / пер. и коммент. А.А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. 260 с.
- Фукидид*. История / пер. с др.-греч. М.: Наука, 1993. 544 с.
- Эллинские поэты* / пер. с др.-греч. В.В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963. 407 с.
- Юнгер Ф.Г.* Ницше / пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Bachofen J.J.* Das Mutterrecht. Stuttgart: Verlag von Kreis & Hoffmann, 1861. 434 S.
- Nietzsche Fr.* Kritische Studienausgabe: in 15 Bde. Bd. 10. Berlin: De Gruyter, 1988. 666 S.
- Schmidt L.* Die Ethik der alten Griechen: in 2 Bde. Bd. II. Berlin, 1882. 494 S.

Получено 12.02.2018

References

- Bachofen, J.J. (1861). *Das Mutterrecht* [Mother Right]. Stuttgart, Verlag von Kreis & Hoffmann Publ., 434 p.
- Hesiod. (2001). *Polnoe sobranie tekstov / per. s dr.grech. V. Veresaeva, O. Tsybenko* [Complete Works, trans. from classical Greek by V. Veresaev, O. Tsybenko]. Moscow, Labirint Publ., 256 p.
- Junger, F.G. (2011). *Nietzsche* [Nitsche]. Moscow, Praksis Publ., 256 p.
- Löwith, K., (2016). *Nitshevskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe* [Nietzsche's Philosophy of Eternal Recurrence of the same]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 336 p.
- Marcus Aurelius, A., (1993). *Razmyshleniya / per. s lat. A.K. Gavrilovoy* [Meditations, trans. from Lat. by A.K. Gavrilova]. Moscow, Nauka Publ., 247 p.
- Nietzsche, F. (2005). *Pisma* [Letters]. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya, 399 p.
- Nietzsche, F. (1988). *Kritische Studienausgabe: in 15 Bde. Bd. 10* [Critical Edition of the Complete Works: in 15 vols, Vol. 10]. Berlin, De Gruyter Publ., 666 p.
- Nietzsche, F. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 1/1* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 1/1]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 416 p.
- Nietzsche, F. (2010). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 10* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 10]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 640 p.
- Nietzsche, F. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 11* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 11]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 688 p.
- Nietzsche, F. (2014). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 3* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 3]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 640 p.

- Nietzsche, F. (2009). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 6* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 6]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 408 p.
- Nietzsche, F. (2013). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 9* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 9]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 688 p.
- Plato. (1971). *Sobranie sochineniy: v 3 t. T. 3, ch. 1 / per. s dr.grech.* [Collected Works: in 3 vols. Vol. 3, pt. 1, trans. from classical Greek]. Moscow, Mysl' Publ., 687 p.
- Plutarch. (1990). *Izbrannye zhizneopisaniya: v 2 t. T. 1 / per. s dr.grech.* [Selected Biographies: in 2 vols. Vol. 1, trans. from classical Greek]. Moscow, Pravda Publ., 592 p.
- Plutarch. (1983). *Sochineniya / per. s dr.grech.* [Works, trans. from classical Greek]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 703 p.
- Schmidt, L. (1882). *Die Ethik der alten Griechen: in 2 Bde. Bd. 2* [Ethics of the Ancient Greeks: in 2 vols. Vol. 2]. Berlin, 494 p.
- Stolyarov, A.A. (tr.) (2002). *Fragmenty rannikh stoikov. T. 2, ch. 2* [Fragments of Early Stoics. Vol. 2, pt. 2]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 260 p.
- Thucydides. (1993). *Istoriya / per. s dr.grech.* [History of the Peloponnesian War, trans. from classical Greek]. Moscow, Nauka Publ., 544 p.
- Veresaev, V.V. (tr.) (1963). *Ellinskie poety / per. s dr.grech.* [Hellenic Poets, trans. from classical Greek]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 407 p.

Received 12.02.2018

Об авторе

Колесников Илья Дмитриевич

аспирант кафедры теоретической и социальной философии

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: kolesnikovid@mail.ru ORCID: 0000-0002-2729-6871

About the author

Ilya D. Kolesnikov

Ph.D. Student of the Department of Theoretical and Social Philosophy

Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia; e-mail: kolesnikovid@mail.ru ORCID: 0000-0002-2729-6871

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колесников И.Д. «Вечное возвращение» Ницше и античность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 236–242. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-236-242

For citation:

Kolesnikov I.D. Nietzsche's «Eternal Recurrence» and the antiquity // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 236–242. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-236-242